

Лу Цзыяо не терпелось увидеть, как на самом деле выглядит это блюдо.

Вскоре хозяйка заведения принесла и поставила на стол четыре кувшина свежесквашенного молока.

Лу Цзыяо уставился на кувшины с молоком на столе:

— ...

Неужели блюдо «Четыре дня Лу Цзыяо» — это просто молоко на четыре дня?

подавив желание перевернуть стол, Лу Цзыяо сквозь зубы посмотрел на пухлого малыша:

— Ваше высочество, вы сами придумали это название, верно?

Хозяйка, налившая в это время молоко в пиалу Лу Цзяня, усмехнулась и, повернувшись к Лу Цзыяо, произнесла:

— Я впервые вижу, чтобы этот юноша приводил к нам своего друга!

Лу Цзыяо с улыбкой кивнул:

— Мой дом далеко отсюда, раньше я здесь не бывал. Скажите, почтенная хозяйка, почему эти четыре кувшина молока называются «Четыре дня Лу Цзыяо»?

Услышав это, хозяйка прикрыла рот рукой и расхохоталась:

— Когда этот юноша впервые пришел к нам, я как раз подливала молоко гостям. Он встал рядом со мной как вкопанный, ткнул пальцем в кувшин и заявил: «Поддай-ка господину один день Лу Цзыяо!» Я лишь спустя какое-то время поняла, что «один день Лу Цзыяо» — это кувшин молока. Потом он приходил в столицу еще несколько раз, и каждый раз заглядывал к нам, требуя несколько дней Лу Цзыяо.

На душе у Лу Цзыяо было крайне беспокойно.

— Вы друг этого юноши? — любопытствовала хозяйка.

«Я и есть Лу Цзыяо», — подумал Лу Цзыяо, но лишь улыбнулся и кивнул.

— Как говорится, рыбак рыбака видит издалека. В наших краях не сыскать никого настолько статного, а сегодня я вижу сразу двоих! Молодой господин, а этот юноша тоже живет в столице? — Увидев, что с Лу Цзыяо легко общаться, хозяйка пришла в нескрываемый восторг. — С ним кто ни заговорит — он ни на кого не обращает внимания. Сколько гостей и девушек расспрашивали меня о нем! Стоит ему зайти к нам хоть раз, как торговля идет на лад еще два-три месяца. Даже не знаю, когда он заглянет в следующий раз.

Лу Цзыяо не сразу нашелся, что ответить на эти слова.

Зачем девушкам расспрашивать про пухлого малыша?

Хотят потискать его пухлые щечки?

Растерянно повернувшись к сидящему рядом Лу Цзяню, невероятно красивому и статному, Лу Цзыяо наконец осознал реальность, и укоренившийся в его голове образ детской пухловатости

немного рассеялся.

Что ж, придется признать факт: этот Лун Аотянь успел сбросить детский жирок еще до наступления совершеннолетия и теперь вполне способен привлекать внимание молодых девушек.

Лу Цянь очень нравился женщинам. В оригинальном романе даже в самый тяжелый период скитаний он очаровывал толпы поклонниц.

Женщины питали странное любопытство к подобным красивым, таинственным (с расстройством общения), неприступным и отстраненным парням.

Читая оригинал, Лу Цзыяо считал это нелогичным: ведь Лу Цянь был человеком, совершенно не приспособленным к быту. Он не понимал, почему столько девушек наперебой рвались бескорыстно заботиться о нем. И только попав в этот мир и пожив рядом с пухлым малышом, он по-настоящему понял порывы тех девушек.

Лу Цзыяо и сам просто не мог перестать заботиться о нем!

У этого Лун Аотяня была особая аура гения, однако в повседневной жизни он постоянно проявлял детскую неуклюжесть и беспомощность. Из-за этого невольно хотелось восполнять его недостатки и беречь его совершенство, так что со временем постоянная забота о нем вошла в привычку.

Неизвестно, вызывает ли воспитание ребенка привыкание, но Лу Цзыяо завяз в этом слишком глубоко!

Поскольку раскрывать личность Лу Цяня было нельзя, Лу Цзыяо лишь отшутился и сбыл хозяйку с рук, после чего потянулся за кувшином с молоком. Однако его руку тут же перехватила ладонь Лу Цяня.

Лу Цзыяо недовольно взглянул на пухлого малыша:

— Ваше высочество не даст мне попить? Мы взяли с собой столько денег, нам точно хватит, к чему такая скупость!

Лу Цянь подвинул кувшин, стоявший возле его пиалы, к маленькому компаньону и серьезно напомнил:

— Те «три дня Лу Цзыяо» оставь на дорогу.

— Кто тебе разрешил называть молоко Лу Цзыяо! — раздулся от обиды Лу Цзыяо, ставший пухлым точь-в-точь как три оставшихся кувшина на столе.

Лу Цянь не понял, почему маленький компаньон уставился на него, подумал немного, достал из «трех дней Лу Цзыяо» «один день Лу Цзыяо» и щедро подвинул маленькому компаньону.

— Я не прошу молока! — Лу Цзыяо досадовал, чувствуя, что за все эти десять с лишним лет был для пухлого малыша лишь любимой едой.

Нет, он сердится!

Он отвернулся, ожидая, пока пухлый малыш начнет его утешать.

Какое-то время Лу Цзыяо сидел неподвижно.

Повернув голову, он увидел, что пухлый малыш уже со всем усердием добавляет в молоко мед.

Лу Цзыяо мгновенно выхватил пиалу из-под носа Лу Цяня:

— Не смей пить! Сначала пообещай мне, что впредь не будешь называть молоко Лу Цзыяо!

— Почему? — Лу Цянь недовольно насупился.

За год с лишним скитаний принц приходил в столицу шесть раз. Он не смел встретиться ни с братьями, ни с матушкой-наложницей, а когда пытался найти Лу Цзыяо, то обнаруживал, что в его поместье затаились уши и глаза семьи Тун.

Остаться без единой родной души для ребенка, абсолютно не приспособленного к жизни, было слишком тяжело. Принц придумал способ: считать молоко Лу Цзыяо, а главу Сюй — пятым братом. Так чужая, враждебная жизнь становилась хоть немного терпимее.

И дело было не только в терпении. Принц должен был привыкнуть к молчаливому «молочному Лу Цзыяо», ведь тот настоящий Лу Цзыяо, который играл с ним, дурачился и вместе с ним не понимал этот мир, в один прекрасный день ушел бы, совсем как августейший отец.

Принцу требовалось заранее приучить себя к «молочному Лу Цзыяо», запас которого никогда не иссякнет. Пусть в нем меньше пользы, зато молоко никогда не бросит принца.

— Потому что настоящий Лу Цзыяо принца — это я! — Лу Цзыяо приревновал его к молоку. — А молоко — это всего лишь молоко!

В глазах Лу Цяня мелькнула разочарованность, словно зверьку наступили на хвост. Он опустил голову и перестал обращать внимание на плохого компаньона.

Оба переночевали на постоялом дворе за городом, а на следующий день Лу Цзыяо вслед за пухлым малышом сел на корабль.

Перед тем как ступить на борт, Лу Цзыяо неуверенно спросил:

— Кажется, это направление ведет не на северо-запад.

— Кажется? — Лу Цянь окончательно отчаялся в чувстве направления маленького компаньона.

К счастью, тогда старший брат по пути обратно в лагерь встретил маленького компаньона, иначе Лу Цзыяо принца сгинул бы раньше времени.

Лу Цзыяо тут же настороженно отдернул ногу, уже занесенную над палубой, и изумленно спросил бунтующего малыша:

— Куда ты вообще собираешься?

— А ты куда хочешь? — переспросил Лу Цянь.

Лу Цзыяо ткнул пальцем в противоположную сторону:

— На северо-запад! Разве ты отправлялся не к Святому Меча, чтобы обучаться боевым искусствам?

— Если идти туда, куда ты показываешь, мы вернемся в императорский дворец, — напомнил ему Лу Цянь.

Как только наружу вылез топографический кретинизм Лу Цзыяо, он мгновенно занервничал. Карты «Гаодэ» для навигации под рукой не оказалось, и его палец задрожал, точь-в-точь как сломанный компас, мечась между двумя оставшимися направлениями:

— В любом случае, плыть надо не туда!

— Господин направляется в Цзяннань, — Лу Цянь протянул руку, взял Лу Цзыяо за запястье и развернул его сбившийся палец в правильном направлении, на юго-запад. — Местный Святой Меча больше не желает видеть принца.

— Ты не возвращаешься на Байсиншань? — поразился Лу Цзыяо. — Что же ты тогда собрался делать в Цзяннани?!

Неужели бунтующий малыш совсем испортился и замышляет отправиться в край красавиц и поэтов, где предаются праздному веселью?

— Там еда вкусная, — честно признался Лу Цянь. — В Башу тоже неплохо, но дорога тяжелая. Так ты идешь со мной или нет?

Лу Цзыяо:

— ...

Едва он собрался прочитать прожорливому малышу нотацию о том, что нужно стремиться к чему-то большему, как рядом раздался громкий вопль какого-то мужчины:

— Вор! Вор! Он только что врезался в меня, и все мои деньги пропали! Это он!

— Чушь! Кто крал твои деньги? У тебя есть доказательства? — яростно огрызнулся светлолицый молодой человек.

Люди на берегу, ожидавшие посадки, сначала посмотрели на пострадавшего, затем на обвиняемого вора, после чего дружно полезли по своим карманам.

— Мои деньги тоже пропали!

— Держи вора! Держи вора!

Едва поднялся шум, светлолицый юноша совершил внезапный прыжок, пробежался по плечам сгрудившейся толпы и, подобно летяге, дал дёру!

Лу Цзыяо, нахмурившись, проводил взглядом вора с искусной легкой поступью, а когда обернулся, заметив, что спутника нет рядом, огляделся и увидел, что Лу Цянь уже благополучно восседает на корабле.

— Ты как там оказался! Мы не можем плыть в Цзяннань, сначала нужно заняться делом — отправиться на Байсиншань и овладеть боевыми искусствами, а уж потом думать о развлечениях! — размахивая руками, закричал Лу Цзыяо с берега.

Бунтующий малыш не шелохнулся, наотрез отказываясь сходить на берег.

— Сходи же! — Видя, что лодочник торопит его, Лу Цзыяо всплеснул руками, пошарил по карманам и крикнул пухлом малышу: — Ой, у меня кошелек тоже пропал! Наверняка тот мелкий воришка спер! Спускайся скорее, догоним его вместе!

Лодочник нетерпеливо бросил Лу Цзыяо:

— Бросьте, молодой господин! Тот воришка — обученный боец, его никому не догнать. А если и догоните, все равно не скрутите. Того и гляди, с вас еще и одежду сдернут, чтобы сдать в ломбард.

— Кто сказал, что не скручу? — возразил Лу Цзыяо. — И раз вы знаете, что он рецидивист, почему не заявите в управу? Ведь эти люди — тоже ваши пассажиры.

Лодочник усмехнулся:

— Заявлю я, а он узнает и придет ко мне мстить — мне это надо? Я вам так скажу, сударь, не забивайте себе голову. Я видел, как вы на борт поднимались — держались за того молодого господина! С такой-то сноровкой куда вам с вором состязаться? Если уж и догоните, то разве что в ноги ему броситесь да слезно будете умолять вернуть серебро.

<http://bllate.org/book/18379/1767233>